

СРАВНИТЕЛЬНОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 26/28-4

А.А. Рагимов

Конфессиональная исключительность как феномен религиозного сознания

Дагестанский государственный университет; ragimov74@mail.ru

Статья посвящена вопросу о таком феномене религиозного сознания, как конфессиональная исключительность. Анализу подвергается генезис идей конфессиональной исключительности вообще и проявлений данного феномена в мусульманской религии в частности.

Ключевые слова: *конфессиональная исключительность, Коран, Библия, религиозное превосходство, богоизбранность.*

The article studies confessional exclusiveness as a religious phenomenon. Genesis of confessional exclusiveness ideas is analyzed in general and manifestations of this phenomenon in Muslim religion in particular.

Keywords: *confessional exclusiveness, Koran, Bible, religious superiority, God selectiveness.*

Одной из ключевых составляющих религиозного сознания человека является идея об исключительности, превосходстве конфессии, к которой принадлежит верующий. Идеи конфессиональной исключительности присущи всем современным религиям, но в каждой из них они проявляются специфически, в характерных для конкретной конфессии формах.

Концепция религиозной исключительности возникает изначально и получает развитие в связи с процессами трансформации религиозного сознания человека, выделения им и противопоставления единственного бога всем остальным национальным богам и племенным божествам, т. е. с появлением монотеистического мировоззрения. Все ранние религии в этом отношении ограничивались лишь проповедью национального и религиозного обособления своих верующих.

Идеология, связанная с конфессиональной исключительностью и религиозным превосходством, не была особо популярна в древних религиях. «Все религии древности были стихийно возникшими племенными, а позднее национальными религиями... Национальные боги могли терпеть рядом с собой других национальных богов у других народов, – и в древности это было общим правилом, – но отнюдь не над собой» [6, т. 19, с. 312]. Известно, что в храме Каабы ещё в доисламскую эпоху имелось множество (около 360) изображений различных богов, которым поклонялись жившие там племена, причем у каждого был свой бог.

В период становления национальных религий идеи религиозного превосходства получают распространение, и их значимость возрастает. Вызвано это, на наш взгляд, возникновением новых форм отображения в религии явлений природы и социальной действительности. Люди различных вероисповеданий всё более открыто противопоставляются друг другу, им внушаются идеи превосходства собственной конфессии над прочими, её особая роль перед богом и т. д. В результате этого и появляется такой феномен, как конфессиональная исключительность.

Очевидно, что возникновение идеи превосходства последователей одной конфессии над другими обосновывается не какими-либо объективными факторами, а доказывается через тезис о «богоизбранности». Суть его заключается в том, что он дает основание представителям определенной конфессии считать себя избранными и любимыми Богом

людьми, которым он ниспослал самую истинную веру, оказав им, таким образом, свое особое доверие.

Идея богоизбранности наиболее ярко проявилась в иудаизме, где она служит важным элементом вероучения, закреплённого в канонах священных текстов иудейской религии. Так, в Библии Бог Яхве говорит Моисею: «Израиль есть сын мой, первенец мой» (Библия.Исх., IV, 22). Моисей, в свою очередь, говорит от имени Бога Яхве: «... ты народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле» (Библия. Второзак., VII, 6). О своём отношении к еврейскому народу Бог Яхве говорит: «Я свят Господь, Бог ваш, и Я отделил вас от народов, чтобы вы были Мои» (Библия. Лев., XX, 26).

Исследователь М. Шахнович справедливо замечает по поводу тезиса о богоизбранности и его исторических последствий: «Мифы о том, что бог избрал какой-либо народ, предопределил ему особую миссию, были типичны для всех древних национальных религий. Эта мания величия помогла правителям древних государств в осуществлении их захватнических целей, хотя очень часто, вопреки всем обещаниям жрецов, именно «богом возлюбленный народ» оказывался в наиболее печальных, тяжелых условиях по сравнению с другими народами» [11, с. 96].

О негативных последствиях этой идеи писал и Ф. Энгельс. Он считал, что именно идеи конфессиональной исключительности и стали причиной обособления последователей разных религий. «Люди двух разных религий – египтяне, персы, евреи, халдеи – не могут... выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом. Это отделение человека от человека было одной из основных причин гибели Древнего Востока» [6, т. 19, с. 313].

Следует отметить роль религиозного культа как наглядного фактора, демонстрирующего своеобразие данной веры и способствующего усилению идеи конфессиональной исключительности. Ведь именно в религиозных культах, обрядах и традициях, выражающих массовое сознание верующих, заключаются те видимые особенности, которые отличают религии друг от друга. Сама же сущность любой религии всегда одна – отражение в фантастической форме явлений окружающей действительности.

Таким образом, возникновение и развитие национальных религий было сопряжено с ростом идей о религиозной исключительности, которые стали приобретать вскоре и социальные функции. Обычное чувство превосходства со временем переросло в особую нетерпимость к иноверцам. В священных текстах иудейской религии обнаруживается откровенная проповедь вражды к инаковерующим: «... не вступай с ними в союз и не щади их. И не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего... Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, и роци их вырубите...» (Библия. Второзаконие, VII, 2, 3, 5).

Заслуживает внимания и тот факт, что концепция религиозной исключительности включает в себя не просто идею о превосходстве определённой конфессиональной системы над всеми остальными, но и мысль о том, что только данная религия является истинным божественным откровением, а все прочие верования не что иное, как выдумки обыкновенных людей, возомнивших себя пророками. В чём-то повторяя каноны иудейской веры, христианские догматы «единственно истинной» считают свою религию – христианство, а смысл «божественных истин» находят в проповедях Христа.

В исламе в этом отношении наблюдается некоторое своеобразие. «Если для общественного сознания христианской Европы было характерно неприятие ислама как такового, то для мусульман иудаизм и христианство являются лишь ступенями на пути человечества к истине, возвещенной Кораном» [8, с. 11]. Являющаяся одним из столпов ислама идея о единстве Творца и божественной истинности мусульманской веры не отрицает, тем не менее, небесного происхождения иудаизма и христианства. В Коране

говорится о христианах и иудеях как о «людях Писания» («ахль-ал-Китаб»), уклонившихся с пути Аллаха и извративших «божественную истину»: «О, обладатели Писания! К вам пришел Наш посланник, чтобы разъяснить многое из того, что вы скрываете в Писании, и проходя мимо многого. Пришел к вам от Аллаха свет и ясное Писание: им Аллах ведет тех, кто последовал за Его благоволением, по путям мира и выводит их из мрака к свету с Своего дозволения и ведет их к прямому пути» (Коран, сура V, ст. 18).

Анализируя отношение мусульманской религии к инаковерующим, известный английский востоковед У. Уотт писал: «...к иудеям, христианам и представителям некоторых других верований, которые рассматривались как монотеистические, отношение было иным... Эти религии считались родственными исламу – с учетом того, что их современные последователи отошли от первоначальной «чистой веры» [10, с. 24–25].

Вместе с тем, основываясь лишь на отдельных аятах Корана, нельзя вынести однозначного мнения по вопросу отношения ислама к другим религиям. Вышеприведённые строки Корана позволяют считать, что отношение к людям «ахль-ал-Китаб», т. е. к иудеям и христианам, в исламе довольно-таки терпимое. Но при дальнейшем анализе священной книги мусульман возникает ощущение алогичности и противоречивости в трактовке данного вопроса. Если в одних аятах Корана предлагается видеть в христианах и иудеях просто людей заблудших, чего-то недопонявших, но достойных либерально-снисходительного отношения к ним (Коран, сура V, ст. 17–18), то в других аятах взгляд на них меняется на полярно противоположный, враждебный. Здесь (Коран, сура V, ст. 56) уже звучат жесткие призывы к мусульманам по поводу иноверцев: «О вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них. Поистине Аллах не ведет людей неправедных!».

В чём же причина этого противоречия? Почему в Коране мы находим такое непоследовательное отношение к христианам и иудеям? Очевидно, это объясняется тем, что события, происходящие в жизни мусульман в разное время, накладывали свои отпечатки на содержание священной книги и меняли её мировоззренческие оценки. Несомненно, противоречия в Коране, касающиеся взаимоотношений с иноверцами, представляют собой всего лишь отражение исторических перемен, связанных во многом с конфликтами, которые возникали у последователей Мухаммада, в частности с иудеями, на почве социально-экономических и политических интересов.

На эту особенность Корана, а именно противоречивость в оценках «людей Писания», обращал внимание и академик В.В. Бартольд. Так, он писал: «Известно, что Мухаммед в разное время различно определял отношение ислама к христианству и иудейству; в одну и ту же (5-ю) суру вошли тексты, где евреям и христианам наравне с мусульманами обещается награда в небесах (стих 73), где говорится о дружбе христиан с мусульманами и вражде евреев (стих 85) и где мусульманам предписывается не брать себе в друзья ни христиан, ни евреев (стих 56)» [3, т. 6, с. 82].

Есть ещё немаловажная причина, объясняющая, почему вначале ислам был лоялен к христианству и иудаизму. Она кроется в этапах развития мусульманской веры и сопутствующих им обстоятельствах. Во-первых, главным препятствием на пути утверждения ислама как новой монотеистической религии на тот период были верования языческих арабских и иных племен; во-вторых, на первоначальном этапе становления ислама мусульманская умма была ещё слаба как в военно-политическом, так и в материально-экономическом плане, и это обстоятельство не давало возможности Мухаммаду оказывать серьёзного влияния на христиан или иудеев, чтобы принудить кого-либо из них принять ислам.

Как следует из источников, разногласия с иудеями и христианами возникали не только по политическим и экономическим мотивам и даже порой не из-за религиозных

различий. Возмущение Мухаммада и всей его уммы вызывало имевшее место среди последователей других конфессий и верований пренебрежительное отношение к мусульманской вере. Когда при Бадре в 624 году Мухаммадом и его воинами была одержана сокрушительная победа над мекканским отрядом, по численности намного превосходившим их, Мухаммад, окрыленный этим событием, призвал евреев племени кайнука подчиниться и принять ислам: «Оевреи, остерегайтесь того, что произошло с курейшитами у Бадра, примите ислам. Курейшиты наконец узнали, что я – посланник Аллаха». Реакция евреев была дерзкой и продемонстрировала их пренебрежение к исламу и к требованиям Мухаммада: «Ты встретился с ослиным племенем, для которого неведомо, что такое война; они поэтому и потерпели поражение. Вот если бы с тобой сразились мы, то ты узнал бы, что мы – люди!» [2, с. 104].

Совершенное неприятие вызывают у мусульман последователи политеистических верований. В священных текстах они расцениваются как враги ислама. Мусульманам запрещается иметь с ними какие-либо дружественные связи. Коран требует беспощадно бороться с язычниками до их полного истребления, если они не перейдут в мусульманство. «А когда кончатся месяцы запретные, – предписывает Коран, – то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте! Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах – прощающий, милосердный» (Коран, сура IX, ст.5).

Быть беспощадными к многобожникам призывает мусульман не только Коран, но и другие теологические источники. Борьба с язычеством стала одной из главенствующих идей в исламе, поднятых до категорий божественных. И эта борьба ислама, проповедовавшего единобожие, с многобожием мекканских язычников очень скоро превратилась из идеологической в кровавую и стала причиной хиджры – вынужденного переселения Мухаммада и его последователей в 622 году из Мекки в Медину. Это событие по сути является началом джихада – священной войны мусульман за веру, которая велась последователями Мухаммада против арабских язычников.

Хотя надо ещё подчеркнуть, что в домединский период борьба с язычеством не носила военного характера и в мекканских сурах Корана не упоминается о джихаде против идолопоклонников. Профессор И.П. Петрушевский, исследуя этот факт, замечает: «Зародыш этого учения (учения о джихаде. – А.Р.) мы видим в мекканских сурах Корана, появившихся в связи с военными действиями мекканских мусульман против мекканских язычников и иудейских племен Медины. Идея джихада приобрела новое значение в эпоху арабских завоевателей (приблизительно 632–751 гг.), она стала орудием завоевательной политики Халифата» [7, с. 80]. Можно предположить, что исламская концепция газавата против немусульман способна обретать разные формы в зависимости от конкретной исторической обстановки.

Говоря о феномене конфессиональной исключительности, надо учитывать такую особенность: этой идеей могут быть заряжены не только мировые и национальные религии с их ортодоксальными направлениями, но и различные секты и группы внутри этих самых религий. Интересно, что каждая из них считает себя исключительно совершенной в конфессиональном отношении и что только ей открылась божественная истина. История христианства – это история многочисленных расколов и раздоров, анализируя которые П. Гольбах в своей работе «Галерея святых» писал: «То же безумие мы находим во всех христианских толках... Протестанты, т. е. христиане, отпавшие от римской церкви, объединились против римско-католической церкви... Англиканец ненавидит и презирает пресвитерианца, который со своей стороны выступает против пышности тирании епископата. Кальвинист на ножах с лютеранином... Православный

москвит ненавидит москвита-еретика, имеющего дерзость думать, что креститься надо обязательно тремя пальцами» [4, с. 273].

Признание превосходства одной конфессии над другими часто приводило к кровавым конфликтам и войнам (Варфоломеевская ночь, Тридцатилетняя война европейских стран и т. д.).

Такие же процессы характерны и для ислама, который в ходе своего исторического развития распался на множество различных ветвей и сект. Но главным расколом было разделение его на два направления – суннизм и шиизм. Уже в VI–X вв. существовало 7 религиозно-правовых школ (мазхабов), которые действуют в исламе по сегодняшний день: 4 суннитских (шафиитский, ханбалитский, ханафитский и маликитский) и 3 шиитских (исмаилитский, зейдитский и джафаритский).

Каждое из этих направлений и школ имеет свои внутренние течения, группы, движения, которые соперничают друг с другом, одни – идеологически, а другие – и с помощью оружия, террористических актов, заявляя таким образом о превосходстве своей веры и её исключительной «чистоте» перед Всевышним.

Казалось бы, что осознание исключительности и превосходства своей конфессии над другими должно консолидировать всех её последователей, однако, как видим, это происходит не всегда. Внутренние распри, расколы и противоречия становятся фактором дезинтеграции.

Концепция идеи конфессиональной исключительности вызывает неоднозначное к себе отношение. У неё есть ярые сторонники и непримиримые противники. В числе последних, критикующих идеи превосходства и исключительности любой религии, оказалась секта карматов (одной из ветвей шиитской секты исмаилитов). В IX веке один из главарей этой во многом экстремистской секты Абу-Тахир в запале критики называл Моисея, Иисуса и Мухаммада «тремя обманщиками», внесшими порчу в человечество [9, с. 155].

Противниками идей о религиозной исключительности в исламе были такие крупнейшие мыслители, как Ибн-Сина, Рудаки, еврейский философ Юда бен-Ниссима ибн-Мальхи, Ибн-Рушд, аль-Маарри. Последний считал, что именно различия в вере и являются тем фактором, который приводит к раздору между людьми [1, с. 40].

Примерно на таких же позициях стояли представители европейской мысли, французские материалисты Д. Дидро, П. Гольбах, К. Гельвеций и др., которые отвергали идеи религиозного превосходства и фанатизма. «Нет мусульманина, который не воображал бы, что, искореняя христиан, которые со своей стороны не более его веротерпимы, он делает угодное богу и святому пророку дело... Религия создала и поддерживает такие раздоры среди народов одной и той же страны, которые редко утихают без пролития крови» [5, с. 93].

В заключение можно отметить, что идеи религиозного превосходства и конфессиональной исключительности характерны для любого сообщества верующих и присутствуют в любой конфессиональной среде. Вместе с тем роль этих идей не всегда является однозначной, а, как правило, обусловлена конкретными историческими ситуациями, которые складывались в определённые периоды развития той или иной религии.

Из всех проявлений феномена религиозной исключительности, реально влияющих на общественное развитие, важное значение имеют интеграционные и дезинтеграционные процессы внутри любой конфессиональной системы. Соотношение этих процессов может быть различным на разных исторических отрезках и приводить порой к непредсказуемым последствиям, таким, как расколы, образование новых сект и даже религиозные войны, которые в своей идеологической основе имеют несомненную связь с феноменом конфессиональной исключительности.

Относительно роли и места идей конфессионального превосходства в мусульманской религии следует отметить, что такие процессы, как религиозные расколы на шиитов и суннитов, а также возникновение в последующем разнообразных сект в рамках ислама, как, впрочем, и в рамках любых религий, представляют собой проявления тенденций дезинтеграции. Однако в том случае, когда вопрос стоит о выживании конфессиональной или же этносоциальной общности, особенно, если этой общности угрожает потеря самобытности и поглощение абсолютно иной религиозной системой, то тенденция дезинтеграции вполне может уступить место противоположной тенденции – интеграции.

Литература

1. *Абу-ль-Аля аль-Маарри*. Избранное. – М., 1990.
2. *Ал-Махалли, Джалал ад-Дин*. Тафсир ал-Кур'ан. – Темир-Хан-Шура, 1902.
3. *Бартольд В.В.* Сочинения. – М., 1960.
4. *Гольбах П.* Галерея святых. – М., 1962.
5. *Дидро Д.* Сочинения: в 2 т. – М., 1986.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения (2-е издание). – М., 1955–1981.
7. *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV вв. – Л., 1966.
8. *Резван Е.А.* Коран и коранистика. Ислам. Историографические очерки. – М., 1991.
9. *Сагадеев Л.В.* Ибн-Рушд. – М., 1973.
10. *Уотт У.* Влияние ислама на средневековую Европу. – М., 1976.
11. *Шахнович М.* Закат иудейской религии. – Л., 1961.

Поступила в редакцию 12 октября 2012 г.